

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗОВ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ДОРАМ)

<https://doi.org/10.70728/orien.v07.i07.014>

Ганиева Элеонора Ринатовна
Государственный институт искусств и культуры Узбекистана

Аннотация: Наблюдаемое в последние годы усиление интереса к культуре Южной Кореи привело к формированию и укреплению в периодической и научной литературе термина «корейская волна», под которым подразумевается возникновение и распространение на мировом уровне трендов на корейскую поп-музыку, дорамы и кино, косметику, стиль, кухню и т.д. Однако феномен «корейской волны» нельзя считать неким замкнутым в своей самобытности культурологическим явлением, скорее он стал результатом обмена между корейской и западной культурами, подвергаясь влиянию последней, но сохраняя свои традиции и обычаи. В фокусе нашего внимания - то, как современные южнокорейские сериалы (дорамы) интерпретируют фольклорные и мифологические сюжеты. Какие древние образы чаще всего переносятся на экран? И с помощью каких именно художественных приемов сценаристам удастся адаптировать классическую мифологию под запросы зрителя последних лет? Разбор этих вопросов и посвящена работа.

Ключевые слова: интерпретация, корейская мифология, фольклор, образы, корейская волна, массовая культура, дорамы, адаптация

INTERPRETATION OF TRADITIONAL MYTHOLOGICAL AND FOLKLORE MOTIFS IN CONTEMPORARY CINEMA (A CASE STUDY OF SOUTH KOREAN DRAMAS)

Ganieva Eleonora Rinatovna
Uzbekistan State Institute of Arts and Culture

Abstract: The growing interest in South Korean culture observed in recent years has led to the emergence and consolidation of the term "Korean Wave" in periodical and academic literature. This term refers to the global rise and spread of trends in Korean pop music, dramas and cinema, cosmetics, fashion, cuisine, etc. However, the "Korean Wave" phenomenon cannot be considered a self-contained cultural entity isolated within its own originality; rather, it is the result of a cultural

exchange between Korea and the West, having been influenced by the latter while preserving its own traditions and customs. Our focus is on how modern South Korean series (K-dramas) interpret folkloric and mythological narratives. Which ancient archetypes are most frequently brought to the screen? And through what specific artistic devices do screenwriters manage to adapt classical mythology to the tastes of today's audiences? This work is dedicated to exploring these very questions.

Keywords: interpretation, Korean mythology, folklore, images, Korean Wave, mass culture, dramas, adaptation

Истории о богах, героях и чудовищах веками формировали культурный код и самобытность разных народов. Однако с развитием технологий, сменой форматов повествования и способов передачи информации древние сюжеты постепенно отошли на второй план, уступив место современным нарративам. И именно здесь феномен южнокорейских сериалов приобретает особую исследовательскую ценность.

Однако накопленный тысячелетиями мировой культурный опыт и устное народное творчество послужили фундаментом для творчества многих представителей искусства - авторов, художников, сценаристов и режиссеров и т.д. Богатый и многогранный мир мифологии и фольклора в сочетании с современными реалиями позволил создавать полноценные креативные вселенные, развивать старые истории в новом русле, переосмысливать опыт и мировоззрение предков с позиций нашего времени, актуализировать ранее малоизвестные области народного творчества. Предметом исследования в настоящей статье являются южнокорейские драмы, отличающиеся успешной адаптацией и популяризацией корейских мифологических и фольклорных образцов, народных сказаний на международном уровне. Также будут рассмотрены подходы к интерпретации традиционных мифологических и фольклорных образов в южнокорейских драмах последних десятилетий.

Сценаристы драм не просто реанимируют исконный фольклор - они создают сложный кросс-культурный продукт. Элементы зарубежных сказаний здесь тесно переплетаются с традиционной философской базой самой Кореи: шаманизмом, даосизмом, буддизмом и конфуцианством. В результате такого синкретизма экранная мифология обретает совершенно уникальные черты, среди которых выделяются следующие: «Корейская мифология ... больше связана с историей страны или сказочным миром, чем с миром богов... Мифические персонажи предстают как полуисторические - полупоэтические правители или герои древней Кореи, рождающиеся и действующие в хронологически фиксированное время» [5, с.29]. В качестве примера в данном случае можно привести миф о великом Тангуне, почитаемом в Южной Корее

как основатель Древнего Чосона. Данный миф обладает не только мистическими гранями, но суть его содержится в том, что он словно бы закладывает фундамент создания корейского государства.

На протяжении многих веков корейская мифология и фольклор впитывали в себя элементы культур близлежащих государств - Китая и Японии. Такое соседство естественно не могло не обогатить сюжетную основу корейского фольклора. Немыслимо! Но многие корейские фольклорные персонажи и образы имеют аналоги в китайском и японском фольклоре. Например, знаменитая девятихвостая лисица (кумихо) имеет общие корни с китайским духом ху ли-цзин и японской кицунэ. В то же время философская концепция Инь-ян легла в основу классификации духов (квисин) [1, с. 84]. Позже на местную почву начали проникать мировые религии, включая католицизм, что принесло новые фабулы и дало толчок к трансформации традиционных представлений о монстрах. Даже после внедрения на корейские территории иноземных верований, здесь до сих пор сохраняется культ шаманизма. И это отчетливо видно во многих южнокорейских дорамах.

Эволюция южнокорейских дорам - поразительный феномен современной индустрии развлечений. Начав свой путь как нишевые локальные телешоу, за последние десятилетия они выросли в глобальный культурный продукт. Трансформировался и сам формат: если раньше стандартный сезон состоял из 16-20 эпизодов, то сегодня индустрия все чаще тяготеет к лаконичным 12 сериям (при этом масштабные исторические проекты прошлых лет легко могли насчитывать от 50 до 100 выпусков). Однако главная отличительная черта корейского сериала осталась неизменной - это колорит, высочайший градус эмпатии и фокус на хитросплетениях межличностных отношений. Именно такая структура создает идеальную базу для внедрения мифологических кодов.

Секрет современных сценариев кроется в ювелирном балансе: авторы берут традиционные фольклорные мотивы и переупаковывают их под запросы зарубежной аудитории. Благодаря такому слиянию архаичные табу и древние предупреждения превращаются в инструмент для рефлексии над экзистенциальными проблемами современности. Мрачные чудовища из старых сказаний получают человеческие черты, а их мотивы рассматриваются под совершенно новым психологическим углом.

Сам корейский пантеон невероятно богат. В нем соседствуют божества и герои, магические бессмертные создания и духи потустороннего мира. Поскольку местный фольклор неразрывно связан с шаманизмом и верой в реинкарнацию, граница между мирами здесь максимально размыта. Согласно поверьям, мстительные духи и демоны буквально живут среди нас, незримо вмешиваясь в человеческие судьбы: от мелких бытовых ссор до тяжелых

болезней. Как именно создатели сериалов адаптируют этот сложный духовный пласт для экрана? Проанализируем несколько ключевых паттернов.

Пожалуй, самая узнаваемая фигура корейского бестиария - это токкэби (могущественный дух, которого на Западе часто адаптируют как «гоблина»). В классических преданиях его природа глубоко дуальна. С одной стороны, этот одноногий повелитель погоды способен на злые шутки и откровенное вредительство, с другой - в эпоху Чосон его всерьез почитали как божество изобилия. Интересно, что даже визуальный канон токкэби нестабилен. Если самые ранние легенды описывали его как существо, внешне неотличимое от человека, то в более поздних источниках дух «оброс» рогами и обзавелся шиповатой дубинкой.

На телевизионных экранах токкэби появляется не так уж часто. Однако эталонным примером его современной адаптации стал одноименный хит 2016-2017 годов («Гоблин» / «Токкэби»). Здесь фольклорный образ прошел через радикальную трансформацию. Сценаристы буквально очистили персонажа от архаичных клише, превратив хрестоматийного монстра в живого, глубоко чувствующего и ранимого героя. По сути, авторы виртуозно использовали классический кинематографический троп: они «очеловечили» бессмертное всемогущее создание, наделив его психологическими травмами, острой жаждой любви и понятными зрителю слабостями.

Еще одним интересным образом в корейском фольклоре выступает темный жнец (Чосын Саджа). И, если в западной культуре этот образ долгое время воспринимался обезличенным, представляясь потусторонним существом в балахонах и с косой в руках, то в культурах восточных стран - Кореи, Китая и Японии - темный жнец имеет личность и предстает перед зрителями в образе своеобразного государственного служащего. В отличие от токкэби, образ темного жнеца более популярен и его кинематографические вариации можно встретить во многих южнокорейских дорамах. К их числу можно отнести такие дорамы, как «Аран и магистрат» (2012), «Гоблин» (2016-2017), «С Богами: два мира» (2017), «Блэк» (2017), «Три цвета фантазии» (2017), «Мистический бар на колесах» (2020), «Завтра» (2022). Образ темного жнеца также адаптируется к современной реальности, образу жизни и потребностям новой урбанизированной аудитории. Во многих дорамах интерпретированный образ темного жнеца представляет собой промежуточное звено между загробным миром и заблудшими душами. В таких творческих проектах, как «Гоблин» или «Отель дель Луна» темный жнец предстает перед зрителями в новом образе, как стильный офисный сотрудник, бюрократический госслужащий, основной задачей которого является помочь душам с завершением земных дел и переходом в потусторонний мир.

К слову, сама тема загробного мира буквально развязывает корейским сценаристам руки. Из пугающей неизвестности он превратился в чистый холст для любых творческих экспериментов и переосмысления старых догм. Строгих правил здесь нет: в каждом новом сериале потусторонняя реальность выглядит и функционирует совершенно по-разному, отражая личные философские взгляды своих создателей.

Наиболее распространенным персонажем, как корейского, так и китайского, и японского фольклора, можно назвать мистическое существо - кумихо или иначе девятихвостый лис. Кумихо (или кицунэ, или ху ли-цзин) встречается не только в южнокорейских дорамах, но и в китайских многосерийных фэнтези, японских аниме и т. д. Как и многие другие мифические создания корейского фольклора кумихо относится к опасным и злым существам, способным причинять вред людям. В частности, кумихо в каноне корейского фольклора является лиса с девятью хвостами, прожившая более тысячи лет. Для принятия лисой человеческого облика, ей необходимо соблазнить и съесть печень множества мужчин [1, с. 84].

Казалось бы, исторически за кумихо закрепилась репутация исключительно зловещего демона. Однако современная южнокорейская поп-культура кардинально переосмыслила этот миф, открыв для сценаристов совершенно иные грани сюжета. Сегодня на экранах жестокий хищник всё чаще сменяется трогательным, порой даже по-детски наивным протагонистом, чья единственная цель - просто обрести человеческое счастье. Трансформированный образ девятихвостой лисы можно встретить в таких произведениях, как «Моя девушка - Кумихо» (2010), «С сегодняшнего дня я человек» (2026). Интересной особенностью образа является тот факт, что в легендах кумихо предстает в женском облике, однако создатели южнокорейских дорам играют с этим фактом и лисы часто могут быть мужчинами, как это было в дорамах «Книга семьи Гу» (2013), «Сказание о девятихвостом лисе» (2020), «Пугающее сожительство» (2021) и т.д.

Кроме того, создатели дорам предпочитают расширять мифологическую вселенную, включая в повествование и иных представителей потустороннего мира. Например, в дораме «Сказание о девятихвостом лисе» реализована масштабная интерпретация древних легенд о различных духах тьмы и прочих мистических сущностях. Так в этом сериале присутствует образ еще одного мифического существа - Имуги, в корейских легендах считающегося богом земли.

Легенды гласят, что имуги является прямым потомком драконьего рода, но, чтобы обрести истинное величие и вознестись на небеса, имуги должен провести целую тысячу лет в суровых испытаниях и духовном

самосовершенствовании. Сама природа имуги соткана из противоречий: в народной памяти этот персонаж так и не получил однозначной моральной оценки. Он не выглядит ни абсолютным злом, ни безусловным благодетелем. Именно эта фольклорная амбивалентность развязывает руки современным сценаристам, позволяя трактовать древний образ в самых неожиданных сюжетных ключах. В некоторых историях он является всеобщим защитником, в то время как в других имуги это монстр, нападающий на животных и людей. К примеру, в дораме «Сказание о девятихвостом лисе» он играет отрицательного персонажа. Но в дораме «Возвращение во дворец» (2025) имуги, изначально выступавший как отрицательный герой, впоследствии становится на сторону добра и помогает главным героям побеждать могущественных духов и злых призраков.

Иной категорией фольклорных существ, нашедшей свое отражение в корейских дорамах, являются квисин - призраки умерших людей. Призраки занимают особое место в корейском фольклоре и делятся на несколько видов - от мстительных привидений до невинных духов природы и оборотней. Многие из призраков представлены в дораме «Демон» (2023), представляющую собой «фольклорную историю, в которой женщина, одержимая злым духом, и профессор по фольклору вместе расследуют дело о таинственных смертях. В сериале «Демон» появляются различные призраки, которые известны из народных сказок. Такие персонажи как Тэчжа-гви - дух умершего ребенка, Часаль-гви - дух самоубийцы, Кек-гви - дух человека, умершего на чужбине, А-гви - дух, возникший от жадности и злых желаний людей, и другие призраки - их образы проходят красной нитью через весь сериал» [3]. Перечислять дорама, в которых так или иначе фигурируют призраки, можно до бесконечности. Стоит заметить, что тематика призрачного мира в дорамах применяется как в драматическом, так и комедийном ключе, охватывая довольно широкий спектр тематик. Среди них необходимо выделить такие проекты, как «Властелин солнца» (2013), «Мой призрак» (2015), «Отель дель Луна» (2019), «Проклятая недвижность» (2021), «Призрачный доктор» (2022), «Курьер» (2023) и др.

Как отмечалось ранее корейский кинематограф успешно адаптирует мифологию и фольклор не только своей страны, но и активно обращается к элементам зарубежного устного народного творчества. «В корейских дорамах можно увидеть сплетение черт западной и восточной культур. Так, создатели дорам наряду с образами из восточной мифологии активно задействуют персонажей западной мифологии, сочетая их между собой в сюжете. В качестве примера заимствований из западной культуры, можно привести использование образов вампиров, вариации Мефистофеля и, не в последнюю очередь из-за

появления в стране христианства, ангелов и демонов» [2, с. 124]. Образ кровожадного мистического существа, наводившего ужас на европейские народы окончательно сложился в славянском фольклоре примерно в эпоху позднего Средневековья, примерно в XI-XVI веках. Впрочем, за целое столетие - если вести отсчет от выхода на экраны легендарной ленты «Носферату. Симфония ужаса» (1922) - концепция вампиризма в литературе и кинематографе трансформировалась до неузнаваемости. Начало процессу трансформации образа упыря было положено в творчестве романистов XIX века. Своеобразным эталоном в этом направлении стал классический роман Брэма Стокера «Дракула» (1897), в котором кровожадный вампир предстает жутким, но манящим графом Дракулой со своей трагической историей.

Коренные изменения в образ вампира внесло творчество писательницы Энн Райс с выходом ее романа «Интервью с вампиром» (1976). Именно эта кинолента запустила процесс постепенной гуманизации экранного монстра. Спустя десятилетия эта тенденция достигла своего пика в феномене литературной саги «Сумерки» Стефани Майер (2008), окончательно закрепив за вампиром статус чувствующего персонажа, открытого для глубоких психологических трактовок.

На волне успеха «Сумерек» создатели южнокорейских дорам принялись экспериментировать с новой тематикой, применяя к ней различные жанры и эпохи - драма, мелодрама, мистика, детектив, историческая эпоха Чосон или современность Сеула. К таким дорамам можно отнести проекты «Вампир-прокурор» (2011), «Цветок вампира» (2014), «Ученый, гуляющий ночью» (2015), «Апельсиновый мармелад» (2015), «Вампир-детектив» (2016), «Прекрасный вампир» (2018), «Сладкая кровь» (2021), «Мое сердце бьётся» (2023) и т.д. В одних из этих дорам тема вампиризма является дополнением к романтической линии, в других же просто усиливает драматизм обстоятельств, в которых оказались главные герои.

Говоря об адаптации традиционных мифологических и фольклорных образов в современном кинематографе, следует отдельно рассмотреть художественные приемы, используемые для отражения этих образов в проектах разных лет. Основными методами адаптации корейских мифологических и фольклорных образов в современном южнокорейском кино прежде всего выступает формирование многоуровневого мифологического пространства, в котором смешиваются потусторонний и человеческий миры, мистические создания живут среди людей и ведут обычный повседневный образ жизни. «Сверхъестественные существа не присутствуют в дорамах отдельно и обособленно - они тянут за собой сверхъестественный мир в целом, а вместе с

ним и другие законы вселенной... тем самым расширяя обычный мир, делая его многомерным» [2, с.121].

Важную роль играет и полижанровость: корейские сценаристы смело объединяют в рамках одного нарратива фэнтези, мелодраму, детектив и комедию. Подобная эклектика неизбежно деформирует классические каноны, из-за чего фольклорные образы порой меняются до неузнаваемости [2, с.121]. Однако в таком подходе нет пренебрежения к первоисточникам. Скорее, перед нами сознательная стратегия культурного выживания - способ сохранить национальное наследие под давлением всеобщей глобализации.

Кроме того, как и в мировой практике, создатели южнокорейских дорам предпочитают использовать сочетание мистических событий, происходящих в городских условиях. Действие большинства дорам часто происходит в реалиях современного шумного мегаполиса (в данном случае в Сеуле) или на стыке двух исторических эпох (эпоха Чосон и современная Южная Корея), что придает нарративу больше волшебства, словно намекая зрителям - магия среди нас [4].

В результате изучения предмета исследования есть основания для утверждения, что южнокорейские дорамы служат инструментом распространения корейского мифологического и фольклорного культурного наследия, гармонично воссоздавая и обогащая его элементы из устных и летописных источников в современное мировое медиапространство. При этом прослеживаются четкие тенденции интерпретации, появившиеся в процессе переосмысления народного творчества: прежде всего, это снижение уровня страха перед сверхъестественным существами из древних сказок и поверий путем внедрения их образов в повседневную реальность, психологические изменения в характерах мифических созданий, использование гендерных и ролевых трансформаций архетипов, а также вызывающий интерес даже у зарубежной публики симбиоз восточных традиций и духовных направлений с западными фольклорными образцами.

Современные дорамы давно переросли статус чистого развлечения: они не просто транслируют древние корейские сюжеты, а глубоко переосмысляют их ценностное и идеологическое ядро. Доказанный эмпирически терапевтический и компенсаторный эффект этих произведений выводит их далеко за рамки индустрии развлечений. Сегодня это значимый феномен не только для теории медиакультуры, но и для современной антропологии.

Использованная литература

1. Аматова М., Абдимиталип уулу Н. Отражение корейской мифологии в корейской кинематографии // Вопросы востоковедения, № 2, 2023. - с. 80-85.

2. Гулькова К.М. Практика использования мифологических образов в современных южнокорейских дорамах// «Парадигма: философско-культурологический альманах», № 34, 2021. - с. 117-129.

3. Корейский оккультный фольклор [Электронный ресурс]: статья // Коре Ильбо. - URL: <https://koreilbo.com/news/koreyskiy-okkultnyy-folklor/> (дата обращения: 31.05.2026).

4. Лазарева О. В. Компенсаторный эффект корейской драмы (на примере российской аудитории) // Корея и Россия: общество, политика, история, культура: к 120-летию корееведения в С.-Петербургском государственном университете. - СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2018. - 500 с.

5. Хусаинова А.Р., Майорова О.А. Корейские легенды как часть уникальной культуры Азии // The Journal of Direction and Development of Korean Studies in Russia, Vol. 5, № 3, 2024. - с. 27-33.